

* * *

Кораблик, жизнью траченный,
ржавеющий в порту,
с изломанными мачтами,
с прорехою в борту...

Некрасовский, жалеющий
размерчик раскачал
тебя, кораблик преющий,
уткнувшийся в причал.

Бездомный рыцарь, латами
дырявыми скрипя,
швартовыми канатами
спелёнут, как дитя,

ты мошкою отважною
избороздил моря,
гордился такелажною
оснасткой, но пора

некрасовской, некрасною
строкою утвердить:
ты прожил жизнь прекрасную,
пора и уходить.

Красивые кораблики
(прикольный новый стиль!)
возьмут тебя за жабрики
и отвезут в утиль.

* * *

Старость — время обратной перспективы:
вновь тасуешь всё те же мотивы,
но они стремятся не в точку схода,
а в хаос расхода.

Так расходятся волны от центра взрыва,
нарастает боль в созревании нарыва,
так уходит, смеркаясь вдали, сиянье
в тьмы закланье.

Как бы так исчезнуть, пропасть, испариться,
чтоб ни зверь, ни ангел, ни хищная птица
не могли никогда ни судьбы, ни следа
твоего проведать.

Стать пучком летящих в пространстве линий,
пронизающих синий межзвёздный иней
в остановленном времени, став его частью...
Это счастье.

Песенка Гамлета

Всего, что в мире есть,
умом не переешь,
закройте пасть ума,
сойдите-ка с ума.

Откроете, что есть,
где разуму присесть, —
между двумя «сейчас»,
в могиле без прикрас

из счастья и надежд:
в ней Йорик без одежд
ума, любви, остроумия,
забит землёю рот,

в ней плоть любви лежит,
а дух её изжит
и только память-прах
скитается в полях,

в ней уголочек есть,
где тлеет слово «мечь»,
но нет того, кто мстит,
поскольку здесь лежит.

Ад

Вдруг вытекла вся жизнь из жил,
осталось голое, пустое,
как будто никогда не жил,
а был у жизни на постое.

И в этом ровном свете злом,
не оставляющем пробелов,
нет причитаний о былом —
всё тонет в бесконечно белом:

на кафель пролитый кефир,
безлюдье выжженного лета, —
безжалостно устроен тир,
в котором ты расстрелян светом

и нет тебя, — ищи-свищи
сиянье бело-голубое, —
аннигиляция души
при столкновении с собою.

Так преломись и расщепись,
верни на миг былые краски,
проснись от ужаса, очнись,
коснись зрочка зелёной лаской
травы...

Рим

Щербатый Рим раззявил пасть жары
и в мареве колышутся руины,
как будто вымерших животных спины
несут триумфов грузные дары.
Под тяжестью вминаются в компост
веков увечные натруженные лапы,
шальные императоры и папы

закладывали этот город в рост
холмам-подёнщикам и времени-скупцу,
но от процентов уцелели крохи:
апостолов отчаянные вздохи,
взмывающие птицами к Отцу.
Они стуются в облако обид
над купольным сияньем синагоги,
потом прольются кровью, и пороги
еврейского квартала обагрят,
когда вожди, как лицедеи-боги,
напялят древнеримский реквизит,
и в щели сцены смертью засквозит,
раздвув их прохуdivшиеся тоги...

А в Тиволи, на вилле Адриана,
в руинах дремлет времени испод
и пинии щекочут небосвод.
Истории зияющие раны
здесь лечат тишина и птичий лёт.

* * *

Туч сплошной настил,
крупных капель братство
на стекле — вразлёт.
Кто тебя учил
смерти не бояться? —
их бесстрашный лёт

с высоты небес,
влагою крупнея,
миг паденья для, —
на колючий лес,
на песок аллеи,
вдребезги, плашмя.

Жизни жгучий йод
больно прижигает, —
некому подуть.
Время сквозь течёт,
струпья подсыхают,
высветляя суть.

Разум в тело влит
и в сердечном шуме —
первородный взрыв.
Дерево стоит:
ветвенный Везувий,
ветренный порыв.

Слово

Слово, звуки и смыслы впитавшее,
тяжелеющее вдалеке,
никогда никому не звучавшее
рядом с равными в тесной строке,

каплей капнет в дождя ожидающий,
успокоенный омут души,
и на ряби его откачается
неподвижность окрестной глуши.

Не поманит ни облако белое,
ни спасенье в курином тепле,
лишь бы слово, как яблоко спелое,
гнуло строчку, как ветку, к земле.

* * *

За блеклым небом в вымытом окне
стоит чужая женщина и плачет.
Из глубины, возможно, кто-то с ней
и говорит, но мрак, как Рембрандт, прячет
ненужное. И тучи по лицу
несчастному плывут неторопливо.
Надеешься, что всё идёт к концу,
но жизнь невероятно терпелива.